

ИСЦЕЛЯЮЩЕЕ ИСКУССТВО

ПОМНЮ, меня остановила такая картина зарубежного художника на одной выставке. Мальчик, нежно ласкающий... дохлую собаку. Именно дохлую, а не погибшего друга. Ласкает не из жалости, не в порыве сострадания, а из патологической любви к трупу, к смерти. Приторно розовые тона, в самом колорите сладкий запах разложения.

Американский фильм «Гневное око», снятый не без таланта, со страстью, негодованием, в течение двух с лишним часов напористо старается вызывать в зрителе чувство гадливости. Адрес, куда направляется это чувство, широк и безлик — вообще человек, то двуногое животное, которое ест, пьет, занимается любовными утехами. Очевидное бессилие в разрешении противоречий в рамках капиталистического общества, бурные научные открытия, осложнившиеся, а временами и нарушившие привычные взгляды на мир, страх, вызванный оружием массового уничтожения, плюс постоянная угроза войны — все вызывает растерянность, потерю целеустремленности, упадок

сил, острое беспокойство. И как отзвук этого — извращенное, психически ненормальное направление в искусстве.

Именно теперь для любого, кто практически пытается стать на сторону искусства гуманного и оптимистического, творчество Л. Н. Толстого является величайшей опорой, вечным примером здорового, исцеляющего искусства.

Несколько раз мне приходилось слышать, что «здоровье» в искусстве неизбежно приводит к оглуплению, к примитивизму. Только люди с воспаленной совестью, с повышенным до болезненности восприятием мира могут стать истинными художниками. Как пример, обычно приводят Достоевского с его болезненными изломами и умалчивают о Толстом, хотя совесть последнего с прибавлением эпитета «больная» тоже стала нарицательной.

Можно согласиться, что без «больной» совести, остро восприимчивой ко всякой несправедливости, не бывает значительного писателя. Но больная совесть — не признак душевной болезни. И все великое творчество Толстого — яркий пример тому.

Он не мог спокойно проходить мимо подлости, тупоумия, чванства, социального неравенства, он переживает самые глубокие личные страдания людей, и языки общества, которые он вскрывает, страшны и вопиющи.

Кого не ужаснет, к примеру, никчемная, заурядная жизнь Ивана Ильича. Но именно потому, что жизнь Ивана Ильича обычна, заурядна, похожа на тысячу других жизней, а сам Иван Ильич обычный, вполне нормальный, психически здоровый человек, — именно поэтому его образ вызывает содрогание. Трезвый голос автора спокойно, без надрыва, без кликушества объясняет читателю: гляди, какой пустой и бесцельный бывает человеческая жизнь, можешь ли ты гарантировать, что и твоя жизнь не станет чем-то похожей, взглядишь, поразмысли, прими меры, бунтуй против среды, если она тянет тебя в болото.

Я не собираюсь подпирать доказательствами здоровую натуру Толстого-художника. Бессмысленно — это всем очевидно, никем не оспаривается. И тем не менее об этом необходимо напоминать. Во взглядах на искусство ощущаются порой две крайности. С одной стороны — желание избежать примитивности и бесцветности в творчестве (законное желание!), погоня за оригинальностью толкают на отступление от здоровой человеческой нормы, возводят болезненность в закон. С другой стороны — благородное понятие больной совести художника, его обостренная восприимчивость к жизненным противоречиям принимаются за духовную ущербность, за нездоровое явление. Подчас страстная непримиримость к недостаткам вызывает осторожность, а равнодушное, безликое произведение выставляется как эталон искусства.

Насыщены событиями и творческими подвигами наши дни: спутники и космические ракеты прорвались в космос, ученые подходят к истокам жизни — к синтезу белка. Насыщенное время неизбежно является сложным. Вполне закономерно, что и перед искусством вырастают сложнейшие задачи. Зачастую в их решении приходится опираться на опыт прошлого. Одной из таких могучих опор для нас является в основе своей глубоко оптимистическое творчество Л. Н. Толстого. Именно в этом смысле его можно назвать нашим современником.

В. ТЕНДРЯКОВ

Тендряков В. Ф. Исцеляющее искусство :
[о творчестве Л. Н. Толстого] / В. Тендряков //
Литературная газета. — 1960. — 19 нояб.